

Вот подтверждение сочетания двух пространств: воображаемого и реального. Аналогичным образом происходит благословение невесты умершими родителями, и примечательно, что по такому же типу устроен и причет о благословении живых родителей в доме невесты.

«И раскройся, гробова доска! Отойдите руки от сердца. И откройте, очи ясные! И подогнитесь, ноги резвые! Уж ты встань, восхоже Солнышко! Уж ты встань, да повыстои! Уж ты дай, да благословеньице, чтобы твое да благословеньице берегло меня, да охранило, да во вся веки долгие. От пурги, да от падерги. От истой, да заметелицы... Я у Спаса да прошу милости. Я у папеньки, да благословеньица. Благослови ты, да родный папенька. А крепким божьим-то благословеньицем. А кабы твое да благословеньице и берегло да меня хранило. И впереди меня шло бы катило».

Причет, который исполняется на кладбище, описывает воображаемый диалог с умершими родственниками, а также прочит их предстоящее гостевание и незримое присутствие на свадьбе.

«Она походит замуж, дак на кладбище-то тоже ходила раньше. Дак она придет, да дома-то матери поплатит. Я ходила, да лебедь бела на высоко, да слезно кладбище. Я звала, да просила родных, да родителей всех. Я звала, да просила, да придут, да родны родители, придут, да придут, и прймайкося, да приглашают. Ласточкой-то да доброточкой. Столами-то дубовыми. Чайми-то душистыми» (пример из деревни Вожгара).

И вот я хочу сделать такой вывод о том, что лешуконский свадебный обряд, благодаря невербальному коду, реализованному в причитаниях, представляется чрезвычайно развитым и насыщенным множеством мифологических образов, персонажей и действий. Именно поэтические тексты причитаний в полной мере отражают сложный и длительный путь невесты, связанный с переходом ее в новый социальный статус.

Я сегодня рассказала о поэтических текстах, а доклад о музыкальной стороне – это уже другое самостоятельное выступление, поэтому я на этом остановлюсь. Спасибо за внимание!

Доклад 52.

Метамодел «Большая Евразия»: концептуальное проектирование, участь – основание – отношение

Олег Викторович Гринько

Практикующий философ. Директор компании «Т-Система»: формальные онтологии и Инжиниринг знаний. Лидер школы Онтологического мышления.

Доброго дня, коллеги и соучастники! Очень хотелось бы в моем разговоре, в который я бы хотел вовлечь максимальное количество людей, увидеть возможность совместной практики. Где философия – это именно практика, и, как практику, мне очень часто вспоминается высказывание Александра Васильевича Пятигорского о том, что он любит любить мудрость, любит философию, где любить мудрость – быть в состоянии и быть в движении.

Философия – состояние движения, постижения любви и мудрости, где ты обретаешь состояние равновесия и устойчивости. И, находясь в таком состоянии, выравниваешь и соединяешь любовь, закон, пользу и через это обретаешь красоту, предсказуемость и здоровье своего существования. И такое состояние иначе называется состоянием покоя. А быть в таком состоянии здесь и сейчас я считаю нашей задачей, нас, собравшихся здесь и сейчас. И если таковое состояние обретается, такая целеположенность нами ухватывается, то мы как раз и находимся в любви и мудрости, или в мудрости и любви – к той самой философии. Что очень важно для практики – это то, что именно в состоянии покоя должно находить себя для предпринятия решений, потому что такого класса решения как раз и позволяют нам достигать точности решений, когда ты осуществляешь выбор как угадывание. Когда ты в состоянии покоя, ты обретаешь тот самый необходимый задел безопасности, ты способен к предсказанию, попадаешь в некое предчувствие, предощущение о последствиях твоего движения. Ты это свое движение способен как совершить, так и остановить и не потерять себя. И в то же время провести себя в свой следующий образ, в желаемое будущее. В нем ты становишься уместным, своевременным и в должном состоянии.

Философия как практика – конечно же, постоянные усилия к самому себе, здесь и сейчас, для принятия точных решений, движений и состояния покоя. И обретается такое состояние искусством нахождения равновесия. А равновесие достигается знанием мира, т. е. ты через знание чувствуешь твой тип равновесия. Самое простое – ты идешь по улице и не падаешь. И вот это знание подтверждается твоей способностью ходить. Знание происходит из опыта искренности и честности, которые в любом случае опираются на непреложные истины. Это сложное построение на самом деле позволяет быть в состоянии покоя, когда у тебя есть некие непреложные истины, и в приложении к нашему сегодняшнему событию я бы говорил об онтологии как о способе написания непреложных истин, которые одновременно непостижимы, недостижимы и одновременно практичны, конкретны и могут быть приложены в повседневной деятельности. И такого типа онтология, если немного поумничать, «онто» и «логос», учение о бытии, возможность, метод, соединение поэтического, образного, творческого и в то же время линейно-счетного, дробного, частного, мерного, такая метафоризация, поэтизация, формализация. И в онтологии есть еще одно важное свойство – она служит для снятия ограничения в мышлении и установления ограничений в делании.

Онтология собирает человека с человеком, наделяет способностями создавать совместные картины мира, дает возможность согласовывать образы и мысли, речи и дела между собой. Этот образ мысли не теряется в образах речи, а образы речи переходят к деланию. Эти последствия делания, из состояния покоя, созданного на основании непреложных истин, и есть, по моему мнению, главное целеполагание практикования философии. Я бы хотел еще одну точную вещь сказать, что эта оспособленность человека онтологией создается тремя искусствами: уметь читать, писать и говорить. Устной и письменной речью, таким образом, программировать, предсказывать, наговаривать свое прошлое, будущее и современное, чтобы обретать желаемое будущее. Человек в достаточной степени утратил способность применить устную и письменную речь для этого наговаривания и делания своей собственной судьбы. Я хотел бы в докладе перейти к беседе, но в то же время у меня есть несколько иллюстраций, на которые я считаю важным опираться. Я сейчас хотел бы коллегам их предложить и вывести на экран.

В моем понимании тема нашего Собора требует шага в глубину, в ширь, в высоту, поэтому я назвал тему Евразия-Русь-Россия, переходящая в следующем шаге в Большую Евразию, где описание понимания служит для такого предсказания, которое приводит нас в наше желаемое будущее.

Когда мы выходим в такой тип разговора, когда мы смотрим, каким же образом создавать Русь-Россию в разделяемом пространстве, то у меня возникает понятие «метамодел ь», где любые модели различных народов, стран, культур, цивилизаций могут быть понятны друг другу. Метамодел ь – пространство, где появилась эта Русь-Россия. И где Русь-Россия появляется, не искажаясь и одновременно становясь понятной другим – читающим, слушающим и сотворяющим вместе с тобой. В этом залоге очень важно увидеть высоту, где ты смотришь на отношения и человека, и Вселенной. У коллег постоянно звучит: мы любим смерть или мы боимся смерти? Мы провозглашаем жизнь или мы пренебрегаем жизнью? Мне хотелось бы подчеркнуть, что смерть, конечно же, нужно уважать. И конечно же, любить жизнь. И жизнь не противопоставляется смерти. Она находится между рождением и смертью. И само по себе видение, когда ты любишь жизнь и уважительно относишься к смерти, не боясь ее, задает тебе возможность снятия своих ограничений. В этом же заделе возникает мгновенность и вечность, повседневность, вопрос проверочный – на вопрос, зачем живешь, возникает вопрос, за что ты умрешь. Что такого ты не способен снести, оставаясь в достоинстве своего человеческого сознания? И вот такой тип подхода мне хотелось бы и дальше продлить, и обратить внимание соучастствующих, соучеников, как говорил один из моих любимых учителей Олег Игоревич Генисаретский (очень сложно называть кого-то учителем). Это то, что мы все время забываем – об участии друг друга в делах друг друга. Мне очень хотелось бы привлечь внимание и слушателей, и говорящих к тому, чтобы мы искали и нашли совместную участь, и искали совместной судьбы и доли. И когда происходит такой разговор, а он идет и от ума, и от сердца, то очень важны аксиомы, они же непреложные истины, разделяемые знаки и значения, и очень тонкий вопрос – о каком бы мы ни говорили с вами способе познания реальности, мы смотрим на выгоду и уравниваем ее ответственность. И когда начинаем рассматривать исторические аспекты, именные, какие-то проекты странового масштаба, мы часто теряем основания, от которых отталкиваемся. И каждый разговор все равно приходит к первообразу человека, где мы по сути спрашиваем: а человек есть зло или человек есть добро? Человек, который живет сегодня, в самом широком смысле этого слова, не важно, в какой стране, на каком языке говорит – он есть что? И сама попытка ответа на этот вопрос заводит в какие-то дебри. Не зря есть достаточно древнее библейское высказывание: не вкушать от Древа добра и зла. Но мы сразу следующее пытаемся пощупать – человек – это разрушение или созидание? И тоже возникает вопрос: для кого созидание, а для кого разрушение. И

есть еще более абстрактные суждения. Человек есть тьма и свет, жизнью своей удерживая равновесие света и тьмы. Так выглядит вопрос о человеке, и, чтобы развернуть эту структуру, мне хотелось бы сделать следующую разметку этого метамоделирования на фразу «Русь, переходящая в Большую Евразию», где карты сознания простираются в просторах и пространствах. И вот просторы и пространства – они ведь очень визуальны. Они же всегда вынимают нам наше местонахождение. Мы все время себя где-то находим. В поле, в городе или на улице. И это нахождение – всегда некий тип восприятия и переживания. И находишься ты в глубоком ущелье или на вершине горы на побережье, у глади морской или в челне плывешь по водам бурным – отсюда возникает все, что связано с твоей точкой зрения. Она формирует тебя. Вот здесь, мне кажется, очень важно пройти по нескольким картам, например, так называемая физическая карта.

Мы видим на ней рельеф, находим, что где-то есть Васюганские болота, где-то есть Сахалин, и тут же есть очень мощная концепция геобиосферы, где урбанизация – лишь частный случай и где, конечно же, биосфера, климат, вода, воздух, микробиотическая структура влияют на каждого из нас. И где наши чувства, биохимия не в меньшей степени влияют. И мы понимаем, что пища наша, питье, в том числе и то, что мы слышим, читаем и слушаем – и музыка, и картина, и карта, и окружающая нас визуальность определяют огромное количество нашего осознания.

Но у Ресовского я хотел бы выделить фразу, которая выделена в первом абзаце – участок, модель, русская идея, которая неразрывно связана с телом пространственной части тела Земли, и это некий участок, часть, определяющая нашу участь, но на ней не существует ни одной существенной границы для нас как держателей этого пространства. Это отсутствие границ. Но как эти границы описаны? Откуда они появляются? Вот точка зрения не то чтобы провокационная – альтернативная. Вот так видит мир австралиец, перевернуто, это его карта, он так ее рассматривает. Для него русская идея – что-то, связанное с пространством в основании или внизу, в подполье. И нам с вами придется это понимать. А мы говорим: нет, ты, австралиец, не в центре мира, а на окраине. Ты потерял, и вообще – ты ходишь вверх ногами, вниз головой.

А если мы будем говорить с китайцем, то мы увидим совершенно центричную карту, где Китай в центре мира, да и на главном изображении Китай находится в центре. И это точка зрения, которая порождает то самое срединное государство. И с кем с кем, а с китайским видением мира невозможно не соединяться, не соотноситься, невозможно его

проигнорировать, говоря о разработке русской идеи. А вот еще одна иллюстративность.

Если на карте мысленно перенести ту самую Русь-Россию и соотнести с африканским континентом, то визуально как-то она резко уменьшается. Вот что такое точка зрения – с какой стороны мы с вами смотрим на ту или иную обстоятельность.

Или мы говорим, что нужно смотреть от Киевской Руси, потому что там была создана русская идея. Но тогда мы теряем 90 % пространств нашей страны. Мы говорим: вот она, идея русская, вот ее место, вот она Киевская Русь, мы оттуда берем свои начала, одновременно исчисляя от IX века, но о времени я еще отдельно скажу. Это заслуживает своего внимания. Вот Российская Федерация как сегодняшняя страна Россия.

Вот она. Вот ее размерность. Как эту размерность удержать на всю глубину хотя бы летоисчисления? Мы с вами живем в 2022 году от Рождества Христова, и Спаситель, придя в мир, совершил столько, что летоисчисление от Рождества Христова держит сегодня весь мир. И нам с вами, разрабатывая идею русскости, русского видения, конечно же, нужно смотреть этой территорией, этой оптикой на всю глубину времен, хотя бы от Рождества Христова, а не от IX века, потому что, взяв Древнюю Русь и взяв IX век, мы по сути теряем сразу же на входе то, как нам нужно придумать и обосновать, почему мы говорим о пространственном целостном видении Руси-России. И вот здесь возникает метафора следующего порядка – что мы с вами говорим о некоем способе, сказании о Руси-России, от края до края, от моря до моря, от начала времен до окончания века человеческого. Часть мира, способная принять мир и явить его. Вот эта Русь-Россия, от края до края, от моря до моря, от начала времен, которую мы способны удерживать. Если мы захотим говорить от IX века, то точно необходимо вводить летоисчисление, которое было бы признаваемо в мире. Находясь же уже в границах летоисчисления, нужно, конечно же, удерживать и пространственность, и глубину времени.

И вот тут русская идея как нахождение места и времени, как точка зрения. Я представляю изображение Большой Евразии. Это те страны, которые в тех или иных отношениях говорят о Евразийском экономическом союзе, о БРИКС, о ШОС. Это колоссальное пространство, и мы, говоря о русской идее, конечно же, обязаны рассмотреть и древнейшие культуры Индии, Ирана, Египта, которые, хотя и далековаты от нас, тем не менее тоже изрядно претерпели от цивилизационных усилий западной продвигающей парадигмы, как и все арабские страны.

Таким образом, говоря о пространстве, я хотел бы очень коротко отметить, что при формировании такого класса идей, конечно же, учиты-

вается вся структура пространства – как планетарного тела, так и космического тела, архитектур.

Потому что концептуальные замыслы нашей с вами архитектуры как раз и порождают жизнь вокруг нас теми самыми сооружениями. И пространства, где воды и земли связуют или разделяют, и пространства, где мы то ли на пикник приехали, то ли город обустроить у большого моря или большой реки. И именно такой тип превращения территории пространства в карты размечает пути сообщения и обеспечивает связанность и общенность. И вот тот самый путь, в котором есть и соучастие, и участь, и доля друг друга.

Следующим огромным объемом по недооцененности на сегодняшний день является время. Время как нахождение как раз и распаковывает сознание. Это сознание во времени порождает тело как логос, порождает из хаоса космос, формирует эту красоту. Слово космос, что было для меня открытием, родственно слову косметика, эта красота. И именно время разворачивает сознание и является веществом сознания. Эта неразрывная связанность времени, тела и сознания порождает переживания. И все происходит во времени вовремя. И каждое мгновение распаковывается в вечности, и мы этим вдохом-выдохом пропускаем через себя эту вечность.

Время настолько недооценено, что этому нужно посвящать отдельный разговор. Я лишь коротко скажу о том, что, конечно же, от Рождества Христова, это летоисчисление – вопрос номер один. Второе, время – это всегда карты звездного неба, очень точная сезонность, цикличность, повторяемость, это всегда праздники как состояния по переходу во времени без потери качества жизни. И конечно же, огромное количество ошибок. Мы с вами, когда говорим «31 декабря», мы говорим «31.10». Мы празднуем конец двенадцатого, и это тоже очень интересно, потому что децем – это «десять». И, ничтоже сумняшеся, мы говорим: 31.10 двенадцатого месяца мы Новый год празднуем. Это такой набор договоренностей и заход календарей, в котором имеет смысл немного разобраться, и я тоже по ним пройду.

Само сознание «вещество времени» имеет такое свойство, как рождение, становление, осуществление и сохранение. Мы каждый день это переживаем. Рождаемся ежеутренне, раскачиваем, раскручиваем и приходим к усыпновению. Усопший, но не умерший. И там мы храним свое тело, а может быть, и чиним свою душу в этом отдохновении сна. И вот это вещество времени требуется для того, чтобы понять, как же мы будем описывать эту онтологию нашего сознания-времени, которую мы держим и несем в себе.

Календари. Очень коротко. Все, что я пытаюсь сказать в телеграфном стиле – аспекты, необходимые для создания той самой короткой фразы, которой будет выражено наше полагание, наша миссионность, наша цельность. Это календарь якутского народа, который современные якутяне применяют как память о своей истории и где нет точной даты начала года, а оно попадает на пробуждение природы, ледоход. Зато есть Новый год, праздник, летнее солнцестояние. 13 месяцев, а в году всего две половины – летняя и зимняя. И так между ними немного. А есть и такие календари.

Вот, например, 1911 год. Хочу отметить, что воскресеньем начинается неделя, не понедельником. Как так было, почему? Очень вопросы для меня важные. И надеюсь, мы сумеем их удержать совместно. А вот такой календарь.

Оказывается, была еще Седмица в более ранние времена, и она уже имела глубокий смысл. Это был минимальный кусочек жизни, осознаваемый человеком. И он не просто так совпадает с днями творения. В нем глубокий смысл воспроизводства повседневности и позволяет удерживать онтологическую структуру любого класса, или это бытийствование. Онтология в переносе на русский язык – сущее в Бытии. Вот это осознание Сущего и Бытийствования.

Еще интереснее – календарь 1929 года. Вот какие праздники были в то время в сознании человека. Это и Вознесение, и Пасха, и День взятия Бастилии, и Парижская Коммуна. Насколько в нашем сознании все это упаковано было? И держалось все календарем. Осознанная система праздников в цикле года, и осознанный календарь в цикле недели, и осознанное суточное время являются ключевыми аспектами создания того, о чем мы с вами задумываемся. Пригодного для переживания времени, способа описания себя и мира. Той самой русской идеи.

Ну а это шедевр. Тоже кто-то знает об этом, кто-то нет. Пожалуйста, 1929 и 1930 годы, пятидневка, Советская власть нуждалась в создании советской машины, и всё. Запомни только свой цвет, и ты всегда будешь знать свой день отдыха. Больше нет воскресений как таковых. Пять дней работаешь, денечек отдыхаешь. Но эксперимент недолго продлился, потому что началось тотальное нездоровье, разрушение семей и прочее и прочее. Потому что какая разница, какой выходной день. Появилась серьезная структура вписывания человека в состав машинной структуры индустриализации, и появился такой календарь. Казалось бы, идея про развитие, а человек при этом становится расходным материалом, и календарь становится механическим.

И еще кое-что важное я хотел бы сказать о времени. Это пример циферблата часов, которые были когда-то в допетровские времена на Кремлевской башне. 17 делений было на этих часах, часы переводились дважды в сутки, в утреннее время по восходу солнца, и в вечернее по заходу солнца. И пополудни это примерно было одинаковое время всегда, так же как и пополуночи. А вот время восхода и заката, время живой активности зимой и летом очень здорово отличалось. То есть было некое время, соответствующее реальной природе, но опять же Петр в то время, понимая задачи отстраивания... Уже тогда, по сути, закладывалось то самое механическое время, которое способно было упорядочить деятельность человека

Аспекты времени очень сложны в понимании, но требуют его. Что же это будет за жизнь, когда ни один поезд и ни один самолет не смогут быть точными? И в то же время что же это за жизнь, когда ты находишься в механическом времени, а не в природном времени? Как соединить их? Один из выступающих вчера говорил о том, что, конечно же, не нужно обряжать себя в лапти и онучи и пытаться разговаривать на исконном суржике, но обязательно в новой структуре описания мира для себя найти ту степень здравого смысла, где человек не становится безусловным компонентом машин, а способен справляться как с машиной в себе, так и с машиной, с которой он входит в отношения.

Дальше я хотел бы говорить о том, что в этом пространстве-времени, конечно же, что-то нам является ежедневно, в этих явлениях, главное из них – это, конечно же, «я». И это «я» уже дальше начинает, находясь в пространстве и времени, о себе и мире что-то себе такое думать. И вот очень интересная связка. Часто спрашиваешь, говоришь: «А вот ощущение, чувство: отличаются чем-то слова же?» – «Ну это слова-синонимы, еще есть слово эмоции...», – и вот здесь начинается действительно игра ума, когда он запутывает тебя в бесконечных знаках, потерявших свое значение и непригодных для обозначений. В то же время ощущение щупается. А чувство – чуйка такая, чувствуется и переживается, и вот это вот пленочка восприятия, которая по сути есть наше тело. Еще и вот в голове у меня есть дырки, значит, ушей, глаз, рта и носа, то, что воспримет и впечатывает в эту пленку восприятия все, что способен почуять. Вот ощущал всеми своими щупалами, органами ощущения, у тебя появились чуяния, чувства: ты переживаешь за счет того, что вспоминаешь былое. Какими-то начинаешь сличать знаками, словами, образами, смыслы появляются.

И опять вернусь к онтологии: вот эта речь устная и письменная как та самая структура и способность программировать реальность. И да-

лее все начинает происходить в сознании: ты либо теряешь, либо находишь себя. И самое важное, конечно же, в таком явлении – постоянство своего вот этого выравнивания между небом и землей, между красотой, предсказуемостью и здоровьем. И вот отсюда как раз и выходишь в пространство «А я-то могу удержать эту Русь-Россию-Евразию? Я-то про что я? Каким образом к этому отношусь? Потому что кроме вопросов я, есть еще и наши отношения друг с другом, наши отношения «как мы все». А есть еще очень мощная история, до которой редко добираемся. А что здесь мое, что здесь твое? А что наше, а что общее или, как сказать по-другому, ничейное. Все у нас народное, все у нас – мое. Все у нас – ничейное, все – общее.

И эти вопросы в явлении нового типа размышлений о Руси-России, произошедших из Евразии и прирастающих Большой Евразии, это и есть запрос. Запрос времени, запрос мира об этом. Способен ли в мире кто-то предъявить другой способ описания себя и мира?

Самое интересное – на сегодняшний день я вывел три вещи. Не я вывел. Обманул. Услышал, подслушал у разных людей. Есть три главных метрики современного человека: успешный (очень просто проверяется – какой образ СМИ существует), способный (еще проще – выписка по счету, ибо все способности у нас сегодня сведены к достатку такому финансово-материальному) и, конечно же, человек лояльный (то есть его всегда есть за что привлечь). Лояльность – это так же как и успешность и способность, это даже не внутренние свойства, это метрики. Есть за что привлечь, будет лояльным. Не за что привлечь – подозрительный человек. А мы с вами при этом говорим: «Как-то негоже, хорошо бы быть знатным, благородным и верным». А как это соответствие возникает? Как оценивается? Где эта метрика живет внутри или как она не проявляется и как становится известной? Или вообще не нужно, чтобы она была известной? В этом вопрос. Мы настолько в мире метрик, что знатность, благородство и верность, превращаясь в метрику, опять превращаются в какую-нибудь структуру, за что тебя привлечь.

Еще более сложное, и то, что мы часто упускаем, говоря о русской идее, вообще о любого класса идее, это вот эта структура внутреннего нашего говорения, то, что мы слышим, видим в научном мире, в мире СМИ, киношном. Так вот, этот путь продельывает наше сознание, каждое сознание оперирует таким путем. Я его зачитаю даже. Где мы от единого, связанного, природного, пространственного, безначального переместились и попали от изначального, доисторического, исторического через волшебное, чудесное, алхимическое, религиозное. А даль-

ше сразу механического, научного, инженерного, футуристического, кибернетического к кибербиофизическому, нанокогнитивному, многопространственному струнно-сетевому, квантово-атомарному, генно-молекулярному. Вот эти цепочки слов-образов.

Хотим мы с вами или нет, однажды будучи нам впечатаны и нами восприняты, они живут и работают в нашем сознании. Это и есть питательная почва текущего поколения, текущего уклада социально-территориального, вот такого научно-хозяйственная почва, на которую будет ложиться наше с вами идеальное построение.

Есть еще и такая история. Да, она более мне нравится, честно говоря, как вот такое телесно-природное, где многих спрашиваешь и многие не знают самые простые вещи: сангвиник, холерик, флегматик. Даже врачей спрашиваешь. А что это такое, скажите? Это вот так описывается темперамент человека. А это что такое? В самом деле оказывается, что *sangve* – это кровь, *hole* – это желчь, *flegma* – это слизь, а меланхолия – это черная желчь. И сразу все становится понятно. Оказывается, вот откуда, значит, эти темпераменты появились.

Когда-то меня поразила снимок живой клетки. Это огромная вселенная, которая внутри, и мы, как носители вселенных, в то же время находимся во множественных вселенных, и вот эти отношения межклеточные, межклеточные (биохимия, биофизика) неизбежно влияют на структуру нашего проживания в том самом пространстве-времени.

Ну и не могу не упомянуть, конечно же, сознание себя как семьи, где вот эти семь единичек Я – это от прадеда до правнука, и где, конечно же, семья – это наиболее мощная структура качественного переживания времени вот в состоянии достоинств, где, конечно же, не просто так существуют понятия свадьбы, родоначалия, наследства. И патриотизм, очень часто звучит сегодня слово «патриотизм» не только в наших событиях, но и вокруг. А если взять его буквальное содержание, то это следование заветам отцов. Нам очень сложно с патриотизмом.

Именно поэтому если пойти на улицу и начать спрашивать: «Уважаемый, почтенный, почтенная госпожа, дама, сударь, товарищ, а какие заветы ваших родителей вы в жизни держите? Каким следуете вы заветам? Были ли у вас эти заветы?», – окажется, что их как-то немного. И вот этот патриотизм, конечно же, начинается не с гимна и флага. Дивный флаг является обязательностью для разделяемого переживания державы. Вот государство и это государство, оно – неизбежно, неизбежно в том мире, в котором мы с вами находимся.

Ну из этих трех точек пространства, времени и явленности себя я хочу быстро очень пройти по очень сложной теме. Конечно же, пер-

вый контекст – контекст большой Евразии, куда мы с вами движемся и целимся. И в этом большом контексте есть очень много вопросов вот этого расширения и сжатия в пространстве-времени, где основные мемы, или метафоры, или алгоритмы (как угодно назовите), но они сводятся к сытости, безопасности и мечте.

А ведь хочется не ценности такого класса, как сытость, безопасность и мечта. А хочется действительно сокровенного сокровища. Невозможно управлять миром по ценностям. Это всегда очень близко к ценникам: ценник на сытость, ценник на безопасность и ценник на право мечты. А как дать человеку возможность вот этого сокровенного сердечного? *Sacre* – в разных языках это живет и помнится. И когда ты говоришь «сокровища моей души», у меня что-то шевелится. Я думаю, что у многих. И ты тогда помещаешь себя меж небом и землей. Вот как это (расселение, финансовую экономику и прочее) оставить рядом не раздавливающими человека? Тем не менее мы с вами живем совершенно в другой реальности.

Вот есть такие восемь глобальных концепций, о которых вы все слышали: *sharing economy*, *impact investment* и прочие, *blockchain*. И очень коротко, а что такое *blockchain*? Ну конечно же, это технологическое пост-недоверие, и вообще это идеология недоверия, реализованная при помощи блокчейна. Плохо или хорошо? Любая из этих технологических упаковок, знаете, не плохо и не хорошо. Это как лопата. Ею можно рыть растительные каналы, а можно голову отрубить.

Но тем не менее мы так упакованы, что пока это идет нам не на пользу. И та же кибернетика, которая в первоисточниках является искусством управления кораблем. И та же сингулярность, это же виртуальность, это такие глубокие концепты. Нам с вами так внимательно нужно отнестись к глубине времени, летоисчислению. То, о чем я уже говорил, и даже глубже, т. е. дотягиваясь до оснований той самой культуры Китая, культуры еврейской, культуры арабских стран, персидских культур, чтобы увидеть, на каких корнях существует современный человек. Никуда эти корни не делись. Их где-то выкорчевывают, где-то ростки все равно дают, потому что корешки-то находятся внутри каждого из нас, и это отдельная тоже большая тема по проработке. Как расколдовать человека, загнавшего себя вот в этот набор, в эту плеяду, в эту структуру упаковки? Где вот тот самый *blended value*, *sharing economy*? По сути, нет больше рабочего места. Есть тушка, и к этой тушке подведены все сигналы, и ты теперь 24/7 генеришь доходы, расходы, принимаешь ответственные решения при помощи устройств удаленного доступа.

А тем не менее ключевая задача, на которую я бы направлял внимание свое и наше совместное, это то, что нам нужно вернуться к территориальной континентальной связности. Федор Черницын говорил «океан сухопутный», и он действительно требовал от нас межкультурной неизбежности. То есть мы путешествовали вдоль рек и гор, по перекресткам с постоянной плотностью вот этого плодородного Юга и разреженного Севера и двигались, двигались, двигались, ходили, ходили, ходили и договаривались. Наступает XV век, появляется трансокеанское сообщение, появляется запад-восток, все потерялось.

Вот это сложность перекрестков, а запад-восток позволил сказать: «Все есть, там можно пограбить, на корабль сел...» Другая совершенно структура отношений, которая в современном мире, вот этот Восток-Запад остался, а при этом возникли цифровые культуры, возникло не пространство уже, а карты цифровой местности, где у каждого из нас с вами своя маршрутизация: к нам доставляют, мы доставляем. Вот эти цифровые пространства уже населены цифровыми людьми.

Очень важный момент – хозяйство как уклад, как собственность, который состоит из людей, знаний, имущества и в котором (об этом уже коллеги говорили) не было той самой экономики современной. Достаток – это от урожая до урожая без нужды. Богатство – поддержать сородичей и пришлых, а устойчивость и излишек – про запас и на мену, где это тоже не производилось в бесконечном объеме. Но дальше даже в Древней Греции была концепция, называемая хрематистикой, когда прибыль и вообще ориентация на прибыль признавалась глупым неумным поведением. Почему? Потому что всегда приводило к истощению мира и человека. И мы с вами, живя сегодня в концепции «предприниматель», который предпринимает и меряет все в добыче, капитализации, пришли ровно в это место: истощен мир, истощен человек, и физически и духовно, и невозможно ничего с этим сделать, если не расколдовать тот самый капитал того самого Маркса, расколдовать формулу «деньги – товар – деньги – штрих», переосмыслить, что между капитализмом и социализмом не так много отличий, что и то и другое человека очарованного превратило в экономическую сущность.

И на этом все стоит. Мы просто как бы забыли и потеряли эти корешки. И когда мы с вами сегодня пытаемся размышлять об экономии или вернуться к политэкономии или к балансу, придется лет на пятьсот примерно назад шагнуть, чтобы увидеть, как расколдовывается современная структура нашей жизни.

В этой части, конечно же, хозяин становится очень важным, и очень редко сегодня осознают: вот это профессиональная мобильность, до-

ступность стран, границ, бывшая ранее, что комфортно устроиться можно в любом месте. Но вот быть хозяином можешь только в своем доме. А дом это такое место, где и тебе и пришлому хорошо, т. е. вот этот гость хорош, и в то же время хозяин способен дать отпор тому, кто пришел с не очень добрыми помыслами.

Остановлюсь коротко. Тоже годность и негодность устройства – это еще аристотелевское самодержавие, аристократия, полития как годные, и диктатура, олигархия, демократия как негодная, где демократия признавалась негодной, потому что демос, как и современный человек, не имеет вот этой самой независимости от урожая до урожая. Он не может держать длинную стратегию. Он не может ухватить свою мысль, удержать ее как свою. Он всегда является тем самым переходящим стадию «охлоса», так скажем. И сегодня, по сути, мы с вами производим такую, знаете, охлократию, становясь компонентами социальных сетей, сетевых сообществ. Вот и возникают, с одной стороны, цифровые элиты, с другой стороны, цифровые такие закрепленные.

И конечно же, власть как природа власти, возникающая по праву крови и благородства, на сегодняшний день ушла в такой интересный набор прослоек. Я вижу, что уже время подходит к концу, поэтому буду все-таки завершать мой рассказ. Знаете, вот очень часто во всех обществах и в нашей работе по созданию идеи русской все эти вопросы и слова будут всегда: равенство, неравенство, равноправие, справедливость, произвол, по заслугам, по имени и прочее.

Обращу внимание на одно. Во время революции 1917 года был лозунг «Мир – народам, земля – крестьянам, заводы – рабочим». Ну как-то не получилось ни с землей, ни с миром, ни с заводами. Все опять же превратилось в социализм или в экономическую сущность. Но хочу сказать, что было отменено неравноправие по рождению, не неравенство, а неравноправие по рождению было отменено. И на одной только этой энергии поменялись империи, перестроились различного рода отношения, т. е. можно сказать, что это было двигателем социальных изменений XVIII, даже раньше – XVII–XX веков. Работа с тем, что мы вам отменим неравноправие по рождению.

Ну и те задачи, которые мы с вами сегодня решаем. Это завершающий тезис. Никуда нам не деться, говоря о русскости, а в нашем отношении мы не избавимся от тех климатических отклонений, которыми сегодня занимаются алармисты, энергетический переход, продовольственный и водный дефицит, уязвимость человека и возникающее из-за этого переселение народов. Нам в горизонте ближайших десятков лет предстоит десятками миллионов, может быть сотнями миллионов

переселение народов на евразийском пространстве. Что мы будем делать? Как мы будем? Что, будем заборы и стены строить? А людям просто будет не хватать воды, еды, будет повышение температуры среднегодовой. Кому интересно, может посмотреть: это тоже большая тема. Во что это все выйдет и какие базовые угрозы, которые уже сегодня оформились – это, конечно же, трансформация символических ценностей, это монополизация цифровых знаний, по сути машиночитаемых, это новые структурированные знания и попытка философов, мудрецов и старцев поискать вот эту здравость, предсказуемость и красоту. И мы с вами, я надеюсь, этим же опечалены сегодня.

В качестве тезиса для русской идеи или построения онтологии я бы предложил достаточность как возможность, достаточность как возможность жизни, где мы прекращаем безумство конкуренции в измеряемости вот этих виртуальных единиц (неважно, каких цифровых юаней, или цифровых рублей, или долларов, или еще чего-то). Как-то нужно искать достаточность как возможность и при этом не скатиться в карточную систему. Понимаете, вот эта карточка как норма потребления: много написано текстов и книг об этом, утопий и антиутопий.

Поэтому с благодарностью за то, что этот час мне удалось поговорить как минимум с самим собой, а также с экраном, я хочу напомнить о том, что у каждого из нас есть личные запросы к будущему. Но вот будущее общее, и в этом, наверное, содержится основная возможность от того, что мы с вами неизбежно вынуждены оказаться в месте и во времени.

Надеюсь, что эта загрузка была не загрузкой, а легкой прогулкой.

Доклад 53. Эпоха после постмодерна

Анастасия Игоревна Криман

Младший научный сотрудник философского факультета МГУ им. Ломоносова, соискатель кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. Ломоносова.

Еще недавно казалось, что мы все находимся в уютном тупике, тупике капиталистических следствий, бытийствующих по принципу онтологии, и все в нашем, то есть цивилизованном, мире делали хорошую мину в уже достаточно дурно срежиссированном и сыгранном спектакле. И все вроде бы было понятно: правила игры, прописаны, места куплены, актеры подкормлены. Однако начали наступать новые времена. Эпоха ковида продлилась недолго, играя все по правилам постмодерна. Но помимо очевидных потерь мы обнаружили смерть, одиночество, ненависть, институции, правила, потеряли любовь. Еще более новые времена настали уже тогда, когда еще не утрамбовались следствия преподносимой катастрофы. Оказалось, что у постмодерна все-таки есть конец, оказалось, что есть материя и Дух, которые уже не в состоянии постмодерн выносить. Словно травинка через асфальт, проявилась тяга к великим нарративам, и наступила эпоха метамодерна. Еще более непонятная и запутанная, но одновременно более ясная и прямолинейная. Мир проявился, проявился как в своих стратегиях, так и в тактиках. Более того, многовековые системы, успешно функционирующие в эпоху постмодернизма, дали сбой. Социальная действительность – всего лишь массивное скопище нейронов, успешно поддающихся манипуляциям. Ставки сделаны, ставок больше не будет. И область гуманитаристики сотрясается в наши дни то ли истерическим плачем по ничему, то ли от звучащих бомб, то ли мучаясь в родах чего-то поистине нового. Постмодернизм с его усмешкой в своем последнем припадке рождает таки что-то емкое, вечное, настоящее, древнегреческое.

Быть может, сейчас как раз время поговорить о том, о чем неприлично было говорить последние почти сто лет. О нравственности, чести, любви, предательстве, войне, преданности. Все эти и прочие понятия,